

"Села Степанчикова..." (даже Настенька). Читатель же, закончив повесть и узнав непосредственно от автора, со стороны, некоторые детали дальнейшего поведения Фомы, вправе смеяться не столько над Фомой, сколько над всеми окружающими, которые-таки произвели его в Гамлеты, поклонились его "общечеловеческим страданиям", "драгоценный памятник из белого мрамора" поставили на его могиле! А ведь он просто ловко их всех надул — сыграл Гамлета. И это совсем не трудно: презирай человечество, но делай вид, что страдаешь.

И если тень Гоголя сознательно была поставлена Достоевским рядом с Фомой Опискиным — это неоднократно подчеркивалось исследователями (Ю.Н. Тынянов, Л.П. Гроссман), — то о второй тени, тени Гамлета, еще не было сказано. Но она несомненно присутствует, хотя и обозначена осторожно. Задевает ли она шекспировского героя? Или только дискредитирует самозванных русских "гамлетиков"? И то и другое. Не случайно Фома, "ссылаясь на Шекспира", представляет "будущность" "как мрачный омут неведомой глубины, на дне которого лежал крокодил". К Шекспиру этот неоднократно фигурировавший в русской поэзии образ из повести Шатобриана⁴ не имеет никакого отношения. Фома-Гамлет утрирует общее настроение шекспировских героев, приписывая им пресловутого крокодила. Сам факт такой утрировки в творческом сознании Достоевского настораживает. Пусть все это говорит необразованный Фома, но слово сказано, понятия сопоставлены, и над творчеством Шекспира, "бога" Достоевского 1840-х годов, появляется тень нелепого крокодила.

---

4. Образ крокодила, лежащего на дне светлого артезианского колодца, символизирующий постоянную тайную грусть человеческой души, взят из повести Шатобриана "Атала". Возможно, Достоевский читал эту повесть в 1840-е годы. Кроме того, образ шатобриановского крокодила был использован Батюшковым в стихотворении "Счастливец" (1810 г.), затем пародирован Воейковым в его "Доме сумасшедших" (1814 г.), Белинский обратил внимание читателей на батюшковского крокодила уже в 1843 году в третьей статье о Пушкине. Любопытно, что Лермонтов в 1830-е годы дважды использует этот образ: в повести "Вадим" и иронически в повести "Княгиня Лиговская". Однако повести эти опубликованы позже "Села Степанчикова", и Достоевский знать их не мог. По-видимому, обозначение "мировой скорби" шатобриановским крокодилом было достаточно распространенной насмешкой.